

Научный дебют

Scientific debut

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.671-686>

EDN: UCDCTQ

Изменение цивилизационного пространства Восточной Европы вследствие нашествия гуннов: культурно-геополитические предпосылки формирования славянской этнической доминанты как фактора зарождения российской государственности

Д.И. Манаширов

Пятигорский государственный университет

Пятигорск, Российская Федерация

daniilpaleontolog@yandex.ru

Резюме. Статья посвящена комплексному исследованию гуннского нашествия как ключевого фактора трансформации геополитической карты Восточной Европы. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления глубинных причин упадка античных структур региона и последующего возвышения славян. Цель исследования состоит в выявлении механизмов взаимовлияния гуннской инвазии, дезинтеграции полиэтнических сообществ и последующей консолидации восточных славянских племён. Объектом исследования выступают процессы разрушения античных общностей, миграции кочевых и оседлых племён. Методология основана на сравнительном анализе археологических данных, письменных источников и историографических концепций. Результаты исследования показывают, что нашествие гуннов привело к серьёзным последствиям: к разгрому аланов и готов, разрушению торговых путей и герольдскому распаду археологических общностей и формированию «культурного вакуума» в Поднепровье. Это уничтожило связи римского влияния в регионе и античные полиэтнические структуры, но создало условия для возникновения протогосударственных объединений восточных славян. Культурный синтез с варягами и наследие древних культур заложили основу Древней Руси. Легенды о прародителях-основателях свидетельствуют об осознании славянами общего происхождения. Выводы подчёркивают переломную роль гуннского нашествия в становлении российской государственности. Существенным обстоятельством в консолидации славян сыграла их относительная изоляция в степной зоне. Длительное нахождение восточных славян в окружении волн кочевников (гунны, авары, болгары) с одной стороны, угрожало разорением и ассимиляцией, а с другой, стимулировало внутреннюю сплочённость и независимое развитие.

Ключевые слова: государственность, племенной союз, нашествие гуннов, славяне, готы, Древняя Русь, архетип, черняховская культура.

Для цитирования: Манаширов Д.И. Изменение цивилизационного пространства Восточной Европы вследствие нашествия гуннов: культурно-геополитические предпосылки формирования славянской этнической доминанты как фактора зарождения российской государственности. *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 4. С. 671–686. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.671-686> EDN: UCDCTQ

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке и под руководством доцента кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета, кандидата исторических наук Гетмановой Елены Сергеевны. Автор признателен за предоставленные рекомендации по литературе и методологии исследования.

Change in the civilizational space of Eastern Europe due to the invasion of the Huns: cultural and geopolitical prerequisites for the formation of the Slavic ethnic dominance as a factor in the emergence of Russian statehood

D.I. Manashirov

Pyatigorsk State University

Pyatigorsk, Russian Federation

daniilpaleontolog@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the Hunnic invasion as a key factor in the transformation of the ethnopolitical map of Eastern Europe. The relevance of the research is determined by the need to understand the underlying causes of the decline of the region's ancient structures and the subsequent rise of the Slavs. The purpose of the study is to identify the mechanisms of mutual influence of the Hunnic expansion, the disintegration of multiethnic communities and the subsequent consolidation of East Slavic tribes. The object of the study is the processes of destruction of multiethnic communities, migration of nomadic and settled tribes. The methodology is based on a comparative analysis of archaeological data, written sources, and historiographical concepts. The results of the study show that the invasion of the Huns led to serious consequences: the defeat of the Alans and Goths, the destruction of trade routes and cities, the disintegration of archaeological communities and formation of a 'cultural vacuum' in the Dnieper region. This destroyed the ties of Roman influence in the region and the ancient multiethnic structures, but created the conditions for the emergence of proto-state associations of the Eastern Slavs. Cultural synthesis with the Varangians and the legacy of the pre-Hunnic cultures laid the foundation of Ancient Rus'. The legends about the founding ancestors testify to the Slavs' awareness of their common origin. The conclusions emphasize the crucial role of the Hunnic invasion in the formation of Russian statehood. An essential factor in the consolidation of the Slavs was their relative isolation in the forest area. The prolonged presence of the Eastern Slavs surrounded by waves of nomads (Huns, Avars, Bulgars), on the one hand, threatened ruin and assimilation, and on the other, stimulated internal cohesion and independent development.

Keywords: statehood, tribal union, invasion of the Huns, Slavs, Goths, Ancient Rus', archetype, Chernyakhovskaya culture.

For citation: Manashirov D.I. (2025) Change in the civilizational space of Eastern Europe due to the invasion of the Huns: cultural and geopolitical prerequisites for the formation of the Slavic ethnic dominance as a factor in the emergence of Russian statehood. *Istoricheskaia etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 4: 671–686. <https://doi.org/10.22378/hel-25-10-4.671-686> (In Russ.)

Acknowledgements. The research was carried out with the support and under the guidance of Associate Professor of the Department of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology of Pyatigorsk State University, Candidate of Historical Sciences Getmanova Elena Sergeevna. The author is grateful for the recommendations provided on the literature and research methodology.

В IV в. н. э. Восточно-Европейская равнина подверглась истреблению и разорению кочевых племен гуннов. Самой вероятной версией происхождения этой этнической группы является точка зрения о синтезе племенного союза хунну с алтайским-тюркским элементом. Византийский историк и писатель VII в. н. э. Феофилакт Симокатта приводит следующие сведения: «Захватив с собой самого видного из своих друзей, Цзяса, он направился к племени гуннов, которых наша история неоднократно называла тюрками» (Феофилакт Симокатта, 1957: 102). Феофилакт пишет, что «персы обыкновенно называют их тюрками» (Феофилакт Симокатта, 1957: 77). Так, ещё с давних времён была известна этническая принадлежность восточных кочевников.

Поражение в хунно-китайских войнах, частичная ассимиляция и истощение пастбищ привели к активной экспансии гуннов на запад. В поисках благоприятных кочевий гунны пошли большой дорогой, прибегая к грабежу и разорению оседлого автохтонного населения. Дойдя до Восточной Европы, они в 372 г. нанесли первый удар. Гунны разгромили периферийные группы аланов, контролировавшие торговые пути между Волгой и Доном (Березовец, 1970: 15). Кочевникам удалось успешно пересечь Волгу. Обратив в бегство противника, они обогнали свой тыл, что позволило облегчить задачу достижения стратегического преимущества в намечавшемся наступлении. В 375 г. гунны под предводительством Баламбера переправились через Дон в его нижнем течении, к сарматским племенам остготов (Суздальцев, 1992: 63). Племенной союз остготов во главе с Германархом был разбит. Такой маневр открыл дорогу завоевателям на юг – на Закавказье. Одна часть гуннской орды, пройдя через приазовские степи на Таманский полуостров, переправилась через Керченский пролив и опустошила огнём и мечом европейскую часть Боспорского царства (Гайдукевич, 1949: 479). Другая часть в IV в. н. э. закрепилась на территории Северного Дагестана, оставив там гуннское царство (Артамонов, 1962: 181–192). Степи Предкавказья севернее и северо-западнее Дагестана были заняты гуннами-савирами, которые в VI в. н. э. активно участвовали в ирано-византийских войнах в Закавказье. Таким образом, основные аланские земли Центрального Предкавказья и вся территория Причерноморья оказалась под контролем гуннов.

Готы были вынуждены мигрировать в Крым и далее на запад. Новый готский правитель Винитарий сразился с гуннами в битве на р. Эрак (р. Днепр), потерпев поражение. Историк Иордан в трактате «О происхождении и деяниях гетов» пишет: «В третьем сражении, когда оба [противника] прилезились один к другому, Баламбер, подкравшись к реке Эрак, пустил стрелу, ранив Винитария в голову, убил его» (Иордан, 1960: 115). Это событие имело серьёзные последствия. Остготы и вестготы начали отступление во Франкию, а к 376 г. гунны достигли восточной границы Римской империи (Кузнецов, 1992: 64).

Последствия гуннского нашествия оказались истинно тектоническими. Сокрушённые гуннами аланы, германские и сарматские племена оказались вовлечёнными в Великое переселение народов, инициированное кочевниками с Востока. Торговые маршруты на Северном Кавказе и Причерноморье, связывавшие античный мир с Азией, перестали существовать или стали крайне опасными для караванов. Упадок товарооборота, нарушение поставок зерна и других ресурсов из черноморских провинций стали одной из существенных, хотя и не единственной, причин ослабления и последующего падения Западной Римской империи, и без того испытывавшей колоссальное давление варваров, спровоцированных гуннским нашествием. Гунны не просто уничтожали города и селения; они разрушали саму инфраструктуру римского влияния в регионе, подрывая экономические основы империи.

Роль черняховской археологической культуры входящих в неё этнических групп

Крупным полиэтническим образованием в ту эпоху являлась группа носителей черняховской археологической культуры. Этнический состав данной общности остаётся спорным. Существует мнение, что в её состав входили сарматы, готы, славяне, формируя полиэтническое образование. В.Д. Баран считает, что памятники черняховского времени не составляют единого целого, поэтому попытка связать их с какой-нибудь одной этнической группой (славянами или германцами) вторична: черверги I тысячелетия заранее были обречены на неудачу (Баран, 1970: 11). Существует точка зрения о чёткой территориальной дифференциации полиэтнического населения черняховской культуры. М.А. Тиханова, говоря об этническом многообразии черняховской культуры и ее принадлежности скифо-сарматским племенам на востоке, гето-фракийским на западе в Поднепровье и славянским на северо-западе в Волинии, выделяет локальные варианты (Тиханова, 1957: 190–194). Но эта позиция, однако, в недостаточной степени доказана археологическими изысканиями. Данную культуру можно отнести к провинциально-римской. В нач. III в. н. э. римляне продвинулись в Причерноморье; к сер. II в. н. э. они овладели Ольвией, тесно связанной с Поднепровьем. Широкое хождение римского денария среди «черняховцев» – яркое свидетельство их вовлеченности в экономическую систему империи и процесс латинизации. Боспорское царство через торговлю приобщало носителей черняховской культуры к благам цивилизации.

Важным городом причерноморской греческой державы был Танаис, расположенный в устье Дона. Являясь самой северной колонией греков, он был ближе всего к «варварскому миру» и, как следствие, население этого полиса имело значительный сарматский элемент, сохраняющий черты черняховской культуры. В сер. III в. н. э. Танаис был разрушен готами в серии походов на Римскую империю. Д.Б. Шелов отмечает, что город восстановился в последней четверти IV в. н. э. (Шелов, 1972: 307). Танаис частично возвращает статус центра земледельческого и ремесленного производства, просуществовав благодаря эллинизированным сарматам до нач. V в. н. э. Мария Гимбутас справедливо замечает, что «черняховская культура представляла собой самогонимое явление, возникшее в результате взаимодействия многих компонентов. Она могла развиваться только при условии единой политической власти, процветающей торговли, развитого производства, постоянной подпитки новыми элементами из Римской империи, смешения южных, западных, северных и восточных влияний». Но в то же время она полагает, что после произошедших переселений славяне заняли территории черняховской культуры, принеся с собой свою культуру. Эта культура не только выжила, но и распространилась по окружающие река на запад, юг и север. М. Гимбутас считает, что «даже самые более ранние славянские находки, извлечённые из-под руин, не могут относиться к классическому черняховскому комплексу. В них видно влияние традиций раннего железного века, которые чётко прослеживаются на изолированных территориях в период сарматского, зарубинецкого (западнобалтийского) и раннего римского завоеваний» (Гимбутас, 2007: 90–91). Тем самым исследователь отрицает непосредственное вхождение праславянских групп в черняховскую культуру и показывает важность догуннских «завоеваний» славян. Утверждение об отсутствии ярко выраженных славянских черт в материальной культуре черняховцев и отсутствие преемственности в последующих, уже относящихся к славянам археологических культурах, говорит как раз об активных интеграционных процессах, противоположных изоляционным. Именно они не позволяли на этом этапе сформировать славянскую самобытную культуру. Однако намёки на вассальный характер взаимоотношений между славянами и готами встречаются у Зосима и весьма преувеличены. Не исключено, что имела место зависимость отдельных групп. По мнению И.В. Зиньковской, держава готов стремилась расширяться в «масштабы суперсложного вожества» (Зиньковская, 2011: 7). Скорее могла идти речь о торговых контактах и культурном обмене между племенными группами.

Более важно то, какое самоназвание имели племена-носители черняховской археологической культуры. Византийский историк Зосим упоминает нагоров (воранов), которые занимались морским и сухопутным грабежом Римской империи. Он рассуждает о деградации вертикали власти государства и чиновниках, неспособных «защитить государство» из-за того, что «их интересы были ограничены лишь городом Римом». Зосим пишет: «Готы, бораны, уругунды и карпы немедленно разграбили города Европы, захватив всё ценное, что в них еще оставалось» (Зосим, 2010: 74). Такая ситуация усугубляла и без того

тяжёлое положение Рима. Проживание боранских и иных малоизученных племён в Северном Причерноморье вдоль р. Днепр даёт возможность предположить об их принадлежности к черняховской культуре. По-прежнему нерешённым остаётся вопрос о родственности боранов по отношению к другим группам. Существуют версии о германском, «скифо-сармато-аланском» и даже славянском происхождении (Schmidt, 1934: 210). А.Д. Удачнов помещал раннеславянское население III в. н. э. в Среднем Поднепровье в районе будущего расселения полян. Апеллируя к исторической этнонимике бораны (борады) и топонимике «Боричев увоз» под Киевом, он выдвинул гипотезу о прямой этногенетической связи боранов (борадов) с летописными полянами. Так, боруски, бораны, борады обозначены как будущие поляне (Удальцов, 1946а: 43; Удальцов, 1946б: 49). Однако стоит отметить дискуссионный характер этой гипотезы из-за недостаточной аргументации. Проблемой существования варварских культур без письменности затрудняет исследование этнокультурного пространства того или иного географического региона. Не стоит исключать возможность принадлежности боранов к праславам, но данный вопрос требует более детального изучения.

В кон. I тыс. до н. э. и в начале II, на протяжении столетий балты, славяне и германские племена проживали чересполосно в соседстве, что приводило к интегративным культурным процессам (Третьяков, 1970: 25). Разнообразная по этническому составу черняховская общность была одной из выдающихся в развитии материальной культуры. Основной ареал распространения черняховской культуры охватывает территорию от верховья Буга и притоков Припяти на северо-западе до нижнего течения Днепра на юго-востоке. В этот период славянский компонент испытывает культурное влияние ираноязычных сарматских племён, что, однако, никак не способствовало развитию идентичности. Д.Т. Березовец утверждает, что «на территории Среднего Поднепровья черняховская культура исчезает уже к V в., возможно, сохраняясь несколько дольше в более западных районах. Событие это связывается с гуннским нашествием. Гунны частично уничтожили население лесостепи, частично заставили его уйти со своих насиженных мест». В итоге, «население Поднепровья становится очень редким на территории, ранее густо заселенной племенами черняховской культуры, создается культурный вакуум, частично заполненный передвижными населениями из более северных районов. В этих условиях исчезает внутренний рынок, прекращается внешняя торговля, перестает поступать, римская монета, исчезают ремесла, прекращается производство гончарной посуды» (Кодзоев, 2016: 15). Создаются предпосылки этногенеза славян.

Ранние формы протогосударственных формирований

После разорения гуннами степей, лесостепей Восточной Европы и периода упадка начинается процесс складывания славянских племенных союзов. Б.А. Рыбаков замечает, что славяне фигурируют в источниках не ранее времени великого расселения славян в VI в. (Рыбаков, 1979: 200). В VIII в. возникают

протогосударственные формирования. Куявия – южный союз во главе с полянами в центре в Куяве (Киеве). Славия – северный союз во главе со словенами в центре в Славе (Салаве) (Новгороде, Ладоге). Арсания – союз, место нахождения наиболее спорно, с центром в Арсе (Рязани, Чернигове или Тмутаракани). А.Ф. Студенцов отождествляет Арсу с библейской страной Арсарет (Студенцов, 2006: 49). А.М. Карасик интерпретирует «Арта́нию» как угорское выражение «страна на запоре» (Карасик, 1950: 304–305). Схоже видится позиция О.Г. Большакова, который предполагает, что Арса не находилась на территории славян и, вероятно, связана с этнонимом Эрзя (Арз-мас) (Большаков, 2006: 751). Е.В. Кирсанов подчёркивает, что в современной историографии наблюдается возрождение концепции, рассматривающей три центра русов как реальные географические объекты (Кирсанов, 2018: 65). Тем не менее не стоит упускать гипотетичность существующих в науке отождествлений с Арсанией (Артанией), что не позволяет выделить наиболее правдоподобную версию. Данные наименования трёх территориально-политических объединений впервые упоминаются в сочинении арабского учёного-географа пер. пол. X в. Абу-л-Исхака Ибрахима ибн Мухаммада аль-Истахри в «Книге путей и государств»: «А русов три вида (ас-наф). Один из них – самый близкий к Булгару, и их царь находится в городе, называемом Куяба, который больше, чем Булгар, и вид, находящийся выше них, называющийся ас-Сильбия, их [главным] городе; и вид, называющийся ал-арсанийа, а царь их пребывает в Арса, их [главным] городе. Люди, торгуя с ними, достигают Куябы и её области. Что же касается Арса, то я не слышал, чтобы кто-нибудь упоминал, что в неё входил туземец, потому что они убивают каждого, кто ступает на их землю из чужестранцев. Они [сами] отправляются по воде и торгуют, но ничего не сообщают об их делах и торговле и не упоминают ни о ком, кто имел бы с ними дело. А вывозят из Арса чёрных соболей и чёрных лисиц, свинец и немного ртути» (Большаков, 2006: 751). Географический трактат пер. X в. «Худуд аль-алам» даёт представление о границах расселения различных племён, в том числе восточных славян. Неизвестный персидский автор сочинения «описывает в бассейне Дона все три главные города русов: Уртоба (Арта), Сала (Слава) и Куяту (Куябу)» (Бартольд, 1940: 27).

П.Л. Толочко отмечает, что «об активных процессах политической консолидации восточных славян свидетельствует рождение новой формы их поселения "градов" с развитием ремесленного производства» (Толочко, 2023: 275). Ранние "грады" были, в первую очередь, административными (политическими) средоточиями племён или союзов племён, а также военными крепостями в пограничных районах. Типологически эти формирования были «очень близки межплеменной войной и во всех случаях являлись точками роста восточнославянской государственности» (Толочко, 2023: 163). Особо укрепленные поселения становились безопасным местом для ведения ремесленной и хозяйственной деятельности. Близлежащие земли с проживающим на них населением могли рассчитывать на покровительство и защиту взамен на лояльность. Грады могли осуществлять контроль над торговыми путями. Выступая в качестве своеобразных таможенни-

ков, они взимали пошлины с проезжающих через окрестные территории иноземных купцов. Интересным видится представленный выше фрагмент из «Книги путей и государств», дающий сведения об активной торговле на территории русов, и лишь Арса (Арсания) обозначена как закрытое и небезопасное для иноземцев место. Так, арабские источники выделяют по меньшей мере два центра (Куявию и Славию) с наибольшей логистической доступностью и военной силой, позволяющей направлять вектор развития экономических связей в регионе, что является проявлением ранней формы государственности. Таким образом, существование протогосударств подтверждается письменными источниками и свидетельствует о процессах становления многокультурного этнокультурного пространства с незначительными регионально-племенными вариациями. Однако вопрос географического расположения остаётся предметом дискуссий.

*Этногенетические мифы, легенды и религиозные представления
как показатели этноидентификации*

Лех, Чех и Рус – персонажи одной из наиболее известных и распространённых легенд о трёх славянских братьях-основателях и родоотцах, соответственно Чехии, Польши и Руси. Три легендарных брата упоминаются в Великопольской хронике, составленной в нач. XIV в. Легенда гласит, что братья во время охоты погнались за рыбой добычей, таким образом, отправились (и поселились) в разные направления: Лех – на северо-запад, Чех – на запад, а Рус – на северо-восток. Разделив землю, они поселились на трёх землях.

Чешский источниковед Г. Добнер опубликовал несколько фрагментов из рукописи Великопольской хроники, обнаруженной в библиотеке выдающегося чешского гуманиста XV в. Яна Гудковского. Этот кодекс не был известен силезскому историку-краеведу Ф. Соммерсбергу и отличался от напечатанного им текста. Так, в прологе хроники, переписанном Добнером, отсутствовало предание о Лехе, Чехе и Русе, подтверждающее историческую общность чешского, польского и русского народов. По мнению Добнера, Соммерсберг составил легенду о трёх братьях под влиянием свидетельств о Чехе и Лехе, имеющих в стихотворной хронике Далимила в первой исторической хронике на чешском языке. Как время сочинения сочинения Далимила определяют 1308–1314 гг., то указанный текст Великопольской хроники мог возникнуть только позднее – в XIV в. (Великая хроника..., 1987: 12–13). Пролог Великопольской хроники посвящён происхождению и расселению славян. Автор излагает легенду о трёх братьях: Лехе, Русе и Чехе, которые, «умножась в роде», владели и будут владеть тремя королевствами: лехитов, русских и чехов (Великая хроника..., 1987: 23). В прологе Великопольской хроники написано: «От этих паннонцев родились три брата, сыновья Пана, владыки паннонцев, из которых первенец имел имя Лех, второй – Рус, третий – Чех. Эти трое, умножась в роде, владели тремя королевствами: лехитов, русских и чехов, называемых также богемцами, и в настоящее время владеют и в будущем будут владеть, как долго это будет угодно божественной воле; из них наивысшей властью и господством во всей империи всегда

обладали лехиты, как это явствует из хроник и из их территории. У славян существует большое разнообразие в языках и в то же время они понимают друг друга, хотя в некоторых словах и в их произношении существуют, по видимому, кое-какие различия. Языки эти берут начало от одного отца Слэва, откуда и славяне (Slavs) они и до сих пор не перестают пользоваться этим именем, например, Томислав, Станислав, Янислав, Венцеслав и др.» (Великая хроника..., 1987: 52–53). Существование архетипа легендарного праотца, предка-прародителя свидетельствует о понимании славянами своего общего происхождения.

В. Л. Янин отмечает, что «автора Великопольской хроники можно считать «создателем» Руса – прародителя и эпонима русского народа. Таким образом, именно на польской почве окончательно оформилась традиция, свидетельствующая о давнем родстве чехов, поляков и русских народов, из которых хронист выделяет из остальных славян» (Великая хроника..., 1987: 44). Из всего вышеперечисленного следует, что легенда предполагает общее происхождение поляков, чехов и русинов (эндоэтноним жителей Руси): в последующем русских, белорусов, украинцев и иллюстрирует тот факт, что уже в XII в. по крайней мере три разных славянских народа осознавали свою этническую и языковую взаимосвязь. Т.И. Алексеева указывает на преемственность для следующих этнических и территориальных групп Древней Руси: белорусы – дреговичи, радимичи и западные кривичи; украинцы – тиверцы, улчи, древляне, волыняне, поляне; русские верховьев Десно-Полесийского треугольника – северяне (Алексеева, 1969: 59). Литературный памятник показывает, что родина древних славянских народов находится в Восточной Европе. Эта область совпадает с регионом, который, согласно курганной гипотезе М. Гимбутас был праиндоевропейской родиной в общем регионе Пангейско-Юрасийской степи. Хотя локализация собственно славянской прародины (между Одером и Днепром, к северу от степи) остаётся предметом научных споров сторонников разных вариаций миграционной и автохтонной теорий.

В.А. Рыбаков считает, «что I тысячелетие н. э. было временем расцвета праславянского патриархального общества. Древние культы женских божеств продолжали существовать, но с особым развитием, усиление власти вождей, содействовавшее созданию славянского Олимпа с мужскими божествами во главе» (Рыбаков, 1994: 604). «...сын князя Владимира возглавлял Перун, но Е. М. Аничков убедительно доказал, что выдвижение Перуна на первенствующее место связано с процессом рождения государственности Киевской Руси и не уходит в первобытность» (Рыбаков, 1994: 603). Летописец Нестор упоминает, что все славянские племена «имели обычаи и законы своих отцов и предков и каждая – свой нрав». Согласно Повести многие племена «имели одинаковый обычай: жили в лесу, как звери, ели все нечистое и срамословили при отцах и при снохах» (Повесть временных лет..., 2014: 63). Таким образом, в религиозном отношении славянские племена следовали традициям почитания предков и их образа жизни.

Немало важным аспектом является факт поклонения персонифицированному образу небесного огня – Перуну (у балтов Перкунас). Божество скандинавского Тора и славянского Перуна в роли громовержцев позволили варягам наладить контакты с русами. Русский историк В.Н. Татищев приводит интересный перевод фрагмента «Повести временных лет»: «Рохволд, бо был от пришедших князей из Варяг с Рюриком и имел во владении Полоцк, а Тур был князь в Турове, от которого и град Туров именован» (Татищев, 1773: 57). Рохволд (Рогволд) и Тур (Тор) – два персонажа, исходившие из Скандинавии, скандинавского происхождения. Имя Рогволд является славянизированным вариантом скандинавского «Rögnvaldr». То же самое Тур – «Þór» (Мельникова, 2011: 46). Степень историчности Тура под вопросом, так как можно проследить аналогию с разобранным ниже Кием – одним из гипотетических основателей Киева. Если же признать интерпретацию летописного текста В.Н. Татищевым достоверной, то любопытной деталью становится наличие первоначально княжеского статуса Рогволда. Придя на земли славян (будучи князем, представителем знати), он сохранил и возможно приумножил свой прежний социальный статус в качестве правителя русского города. Кроме того, существует свидетельство о полах-дружинниках скандинавского происхождения, принявших Перуна как аналогичного Тору бога. Из упоминания о событии заключения русско-византийского мира 907 г.: «Олег же, много отойдя от города, начал переговоры о мире с греческими царями Леоном и Александром, и послал к ним в город Карла, Фарлофа, Вельмуда, Рула и Стемида со словами: "Платите мне дань"»... «Царь же Леон и Александр заключили мир с Олегом, обязавшись платить дань, и приносили в киево присягу: сами целовали крест, а Олега с мужами его заставляли присягнуть по закону русскому, клялись оружием своим и Перуном, их богом, и Волосом, богом скитства, и утвердили мир» (Повесть временных лет..., 2011: 11–75). Как видно из отрывков, норманны приняли славянского языческого Перуна в качестве верховного бога. Подобное возможно при условии осознания единой сути Тора и Перуна. Условный переход в другую политическую религию мог быть не столь затруднителен у заморских наёмников благодаря отождествлению своих божеств со славянскими. Схожая картина наблюдалась в Византии скифов и греков, где последние трактовали многих скифских божеств как своих, считая отличием только лишь «варварские» имена. При подобных процессах характерен синтез образов аналогичных божеств у контактирующих этносов, но из-за скудных свидетельств о славянском язычестве сложно говорить о степени проникновения религиозных скандинавских элементов. Благодаря во многом общим мировоззренческим основам выходцы из северных морей легко влились в восточнославянскую общность, сыграв значимую роль в формировании государственности.

Нестор в Повести излагает миф об основании Киева – важнейшего города Древней Руси. Летописец пишет: «Жили каждый со своим родом по своим местам и странам, владея каждый родом своим. И было три брата: одному имя Кий, второму же имя Щек, третьему же имя Хорив, а сестра их Лыбедь. И сидел Кий

на горе, где ныне въезд Боричев, и жил с родом своим, а брат его Щек на другой горе, прозававшейся от него Щековицей, а третий – Хорив, от которого прозвалась Хоривица. И построили городок во имя старейшего брата, и назвали его Киев» (Повесть временных лет..., 2014: 61). Данный отрывок указывает на попытку автора объяснить этимологию названий районов гор. В.Я. Петрухин подчёркивает «топонимическую основу киевской легенды» (Петрухин, 2014: 84). Историчность существования этих братьев столь же легендарна, как и упоминание Леха, Чеха и Руса в западославянских источниках. Однако данный сюжет прослеживается не только в культуре славян. Геродот описывает трёх братьев: Липоксая, Арпоксая и Колосая – сыновей стародителя скифов Таргитая. «От Липоксаиса, как говорят, произошло скифское племя, называемое авхатами, от среднего брата – племя катиаров, траисков, а от младшего из братьев – царя – племя паралатов. Все племена вместе называются скифотами, т. е. царскими» (Геродот, 1972: 188). Данный этногенетический миф служит подтверждением существования единого культурного пространства в догуннское время. Вероятно, именно эпические традиции ираноязычных народов степей повлияли на позднейшее оформление славянских легенд о стародителях. Скифский мир объединял разные этнические группы, живших схожим образом. Начавшись как кочевым ираноязычным варварским кластером, он становился всё более дифференцированным благодаря греко-римскому влиянию, переходу некоторых групп к оседлому образу жизни. У представителей восточных славян утвердилось этническое самосознание благодаря длительному развитию единой религиозно-мифологической картины мира, выраженной, в первую очередь, в наличии общего верховного божества Перуна и этногенетического мифа о трёх братьях в рамках архетипа предка.

Катализатор этнокультурных трансформаций:

славянские этногенетические культуры и этнополитические процессы

Гуннское нашествие как фактор дестабилизации привело к разрушению торговых путей (знаменитого «янгарного пути», путей по Днепру и Дону), упадку городов и кризису римского влияния в Причерноморье. Эти процессы привели к миграции аланов, готов и сарматов в рамках Великого переселения народов, что означало распад общности черняховской культуры. Последующие археологические культуры, ассоциируемые преимущественно со славянами – пражская и пеньковская (соотносимая с антами), представляли уже гораздо более однородные в этническом плане сообщества. В.В. Седов отмечает развитие славянской керамики пражского типа из пшеворской, догуннского периода, тем самым удревняя становление славянского этноса (Седов, 1979: 67). А.В. Чернецов отмечает, что «славянская принадлежность пшеворской культуры или ее части оказывается крайне проблематичной» и В.В. Седов излишне полагался на археологию в вопросах, касающихся определения этноязыковой идентичности (Чернецов, 2021: 271). Относящиеся по одной из версий к славянам анты, по мнению М.В. Любичева, это не обозначение конкретного славянского этноса, а

скорее территориальное понятие (Любичев, 2019: 191). И.П. Русанова рассматривает пеньковскую культуру как сложное явление, состоящее из нескольких компонентов, что указывает на разнородный этнический состав её носителей. В частности, она отмечает наличие элементов «салтовской культуры и материалов типа Корчак и Луки Райковецкой» (Русанова, 1973) в составе пеньковских памятников (Русанова, 1976: 103). Это позволяет некоторым исследователям предположить, что среди населения, связанного с пеньковской культурой, были представители ираноязычных групп сарматов. Но наличие археологических материалов, относящихся к иным культурам, в данном случае стоит рассматривать как возобновление торговых связей после уличского нашествия. М.Б. Щукин отмечает, что «цикл раннеславянских культур совсем не напоминал предшествующую черняховскую культуру», что свидетельствует о смешанном составе её представителей и несформированность обособленной славянской общности на том историческом этапе (Щукин, 1999: 90). Немало важным фактором освоения славянами новых земель стало нашествие варваров. Часть славян была разгромлена и попала в зависимость, что привело к миграции на Балканы в поисках благоприятных условий. На север же ушли славянские племенные союзы благодаря торговле через Балтийское море. Равнинный коридор Северного Причерноморья ещё долгое время оставался во власти кочевников: хазар, печенегов, половцев, определяя славянский характер отношений со славянами под угрозой набегов степняков.

* *

Вышеописанные процессы привели на некоторое время к опустошению лесостепной зоны Прикарпатья. В результате сформировался «культурный вакуум». В.В. Седов отмечает, что славяне подверглись ассимиляции в римское время, а вышли из исторической сцены крепким этноязыковым массивом, вероятно, включившим в себя «некоторые неславянские племена» (Седов, 1979: 43). Последующая консолидация славянских племён представлена появлением трёх раннегосударственных объединений: Куявии, Славии, Арсании. Взаимодействие с норманнами означало объединение славянских и скандинавских культур (Перун–Тор), что послужило основой военно-политических союзов. Норманнский компонент оживлённо вливался в славянское культурное пространство за счёт своей малочисленности. Тем самым он не оставил значительных следов своего нахождения среди славян в области материальной культуры. Топонимические легенды и этногенетические мифы, как маркеры культурно-интеграционных процессов, заслуживают в дальнейшем отдельного изучения. Весомую роль играла эволюция социальной организации от родоплеменных структур к раннегосударственным институтам (княжеская власть, дружина). Немало важным аспектом в складывании племенных союзов стала изолированность славян. Долгое время славянская общность, особенно восточная её часть, находилась в окружении всё новых волн кочевников: гуннов, аваров, булгар, что с одной стороны способствовало независимому развитию, а с дру-

гой ставило под угрозу разорения и потери идентичности. Оставался канал культурного обмена на севере, через Балтийское море с норманнами, что предопределило истоки становления Древнерусского государства в Польше.

Как итог, нашествие гуннов стало переломным этапом, унивожившим античные полиэтнические структуры, но создавшим условия для доминирования славян. Утверждение этнического самосознания, культурный синтез славянских племён с норманнами и угроза на юге со стороны кочевников заложили основу возникновения Киевской Руси. Славянская общность, противостоявшая с иранской и тюркской угрозой ассимиляции, смогла выступить как самостоятельный этнический компонент. Легенды и хроники X–XI вв. служат доказательством осознания славянами общего происхождения, что способствовало политической консолидации. Гунны спровоцировали перемещение европейских племён, уничтоживших Рим. Освободившиеся земли заняли славяне вплоть до р. Эльбы на западе, создав самобытную культуру. До сих пор топонимика Центральной Европы (Германия, Австрия) пропитана славянскими структурами (окончания наименований географических объектов на -z, -in, -ow со славянскими корнями, названия таких городов как Берлин, Лейпциг, Дрезден и др.), а вместе с тем сохраняет память былых времён этнокультурного доминирования в регионе до германской экспансии под лозунгом «Drang nach Osten» ("Дранг нах Остен"..., 1967) («Натис на восток») в высоком средневековье.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ЛИТЕРАТУРА

«Дранг нах Остен» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. [Материалы Симпозиума. 20–23 апр. 1966 г.] / АН СССР. Ин-т славяноведения. [Отв. ред. В.Д. Королюк]. М.: Наука, 1967.

«Восточная Европа» о хазарах, Руси и их соседях XI–XIII вв.: (Перевод и комментарии) / Под ред. Л.А. Янина; Сост. Л.А. Янина, Н.И. Щавелева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.

Алексеев Т.И. Антропологический состав восточнославянских народов и проблемы их происхождения. Автореф. диссерт. докт. истор. наук. М., 1969.

Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.

Баран В.Д. Черняховская культура в междуречье Верхнего Днестра и Западного Буга в свете новейших исследований. Б.м., 1970. С. 7–14.

Бартольд В.В. Арабские известия о русах // Советское востоковедение. 1940. Т. I. С. 15–50.

Березовец Д.Т. Черняховская культура и культура славянских племен VI–VIII вв. Б.м., 1970. С. 15–17.

Большаков О.Г. Ал-Истахри – Ибн Хаукаль // История татар с древнейших времён. Т. II. Казань, 2006. С. 745–752.

Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949.

- Геродот. История* / пер. Г.А. Стратановского; под ред. А.А. Губера. Л.: Наука, 1972.
- Гимбутас М.* Славяне. Сыны Перуна / Пер. с англ. Ф.С. Капицы. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007.
- Зиньковская И.В.* Королевство Германариха в истории Восточной Европы IV в. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Саратов, 2011.
- Зосим.* Новая история. Перевод, комментарий, указатели Н.Н. Болотова. Белгород: Издательство Белгородского государственного университета, 2010.
- Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. *Getica* / Вступительная статья, перевод, комментарий Е.Ч. Скржинской. М.: Издательство восточной литературы, 1960. (Серия «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы»).
- Карасик А.М.* К вопросу о третьем центре Руси // Исторические записки 1950. Т. 35. С. 304–305.
- Кирсанов Е.В.* Историография локализации трех центров русов восточных авторов // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. №4. С. 62–72.
- Кодзоев Н.Д.* Краткий очерк истории алан. Магас, 2016.
- Кузнецов В.А.* Очерки истории алан: 2-е изд. допол. Владикавказ: 1992.
- Любичев М.В.* Ранняя история днепро-донецкой степи I–IV веков. Харьков, 2019.
- Мельникова Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды / Под ред. Г.В. Глазыриной и Т.Н. Джаксон. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011.
- Петрухин В.Я.* Русь в IX–X веках. От принятия варяжского выбора веры. 2-е изд., испр. и доп. М.: ФОРУМ; НЕОЛИТ, 2014.
- Повесть временных лет* / Сост., примеч. и ук. А.Г. Кузьмина, В.В. Фомина; Вступ. ст. и перевод А.Г. Кузьмина; Отв. ред. М.В. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014.
- Русанова И.П.* Славянские древности VI–IX вв. Между Днепром и Западным Бугом. М.: Наука, 1973.
- Русанова И.П.* Славянские древности VI–V вв. М.: 1976.
- Рыбаков Б.А.* Геродот о Скифия. Историко-географический анализ. М.: Наука, 1979.
- Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1994.
- Седов В.В.* Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979.
- Студенцов А.Ф.* Тайна происхождения Древней Руси. Ростов н/Д.; СПб.: Феникс, 2006.
- Татищев В.Н.* Книга 2: История Российская с самых древнейших времён / В.Н. Татищев. [Б.м.]: Печатня при Императорском Московском Университете, 1773.
- Тиханова Л.А.* Специальных вариантов черняховской культуры // Советская археология. 1957. № 4. С. 183–194.
- Толочко П.П.* Откуда пошла Русская земля. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2023.
- Трубецкой П.Н.* У истоков древнерусской народности. Л.: Наука, 1970.
- Удалов А.Д.* Племена Еврейской Сарматии II в. н. э. // Советская этнография. 1946. №2. С. 41–51.
- Евтропий (Евфиллакт Симокатта VII в.).* История / Пер. с греч. проф. С.И. Кондратьева; Лит. обработка перевода и примеч. канд. ист. наук К.А. Осиповой; Отв. ред. и вступ. статья чл.-кор. АН СССР Н.В. Пигулевской. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957.
- Чернецов А.В.* Проблемы археологической славистики и отдел славяно-русской археологии. Института археологии РАН // Мир Средневековья. Познавая прошлое. М., 2021. С. 259–289.
- Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.: Наука, 1972.
- Щукин М.Б.* Феномен черняховской культуры эпохи Константина – Констанция, или что такое черняховская культура? // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 1999. №4. С. 66–101.

- Rusanova I.P. (1973) *Slavic antiquities of the 6th–9th centuries between the Dnieper and the Western Bug*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Rusanova I.P. (1976) *Slavic antiquities of the 6th–7th centuries*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Rybakov B.A. (1979) *Herodotus's Scythia. A historical and geographical analysis*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Rybakov B.A. (1994) *Paganism of the ancient Slavs*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Schmidt L. (1934) *Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. Die Ostgermanen*. München. (In Germ.)
- Sedov V.V. (1979) *Origin and early history of the Slavs*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Shchukin M.B. (1999) Phenomenon of the Chernyakhov culture of the era of Constantine – Constantius, or what is the Chernyakhov culture? *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya* [Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology]. No. 4: 66–101. (In Russ.)
- Shelov D.B. (1972) *Tanais and the Lower Don in the first centuries AD*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Studentsov A.F. (2006) The secret of the origin of ancient Rus'. *Postov-on Don*; St. Petersburg: Feniks Publ. (In Russ.)
- The Tale of Bygone Years* (2014). Comp. and indexes by A.G. Kuz'min, V.V. Fomin; preface, transl. by A.G. Kuz'min; O.A. Platonov (ed.). Moscow: Institute of Russian History Publ. (In Russ.)
- Tatishchev V.N. (1773) *Book 2: Russian history from the earliest times*. V.N. Tatishchev. [B. m.]. Printed at the Imperial Moscow University. (In Russ.)
- Theophylact Simocatta (1957) *History*. Transl. from Greek by S.P. Kondratiev; lit. ed. by K.A. Osipova; eds. by N.V. Pigulevsky. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ. (In Russ.)
- Tikhanova M.A. (1957) On local variants of the Chernyakhov culture. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archeology]. No. 4: 188–194. (In Russ.)
- Tolochko P.P. (2023) *Where the Russian Language came from*. Moscow: A. Solzhenitsyn House of Russian Expatriate Community. (In Russ.)
- Tretyakov P.N. (1990) *The origins of the Old Russian people*. Leningrad: Nauka Publ. (In Russ.)
- Udal'tsov A.D. (1946) Tribes of Europe and Scythia in the 2nd century AD. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. No. 2: 47–50. (In Russ.)
- Zinkovskaya N. (2010) *Kingdom of Ermanaric in the history of Eastern Europe in the 4th century*. Abstract of Doctor Hist. Sciences. (In Russ.)
- Zosimus (2010) *New history*. Transl., comm., indexes by N.N. Bolgov. Belgorod: Belgorod State University Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе: Манаширов Даниил Игоревич, студент бакалавриата, Пятигорский государственный университет (357500, пр-т Калинина, 9, Пятигорск, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0008-2314-3916>; e-mail: daniilpaleontolog@yandex.ru

About the author: Daniil I. Manashirov, undergraduate student, Pyatigorsk State University (9 Kalinin Avenue, Pyatigorsk 357500, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0008-2314-3916>; e-mail: daniilpaleontolog@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 25.07.2025

Доработана после рецензирования / Revised 25.08.2025

Принята к публикации / Accepted 10.09.2025